

Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А. Рефлексия множественности выбора в психологии межкультурных коммуникаций

English version: [Soldatova G.U., Shaigerova L.A. Reflection upon multiplicity of choice in psychology of intercultural communication](#)

Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, Москва, Россия

[Сведения об авторах](#)

[Литература](#)

[Ссылка для цитирования](#)

Анализируются теоретические взгляды на проблему межкультурной коммуникации, развиваемые западными учеными в ответ на возрастающую гетерогенность современного общества в поисках возможных способов уменьшения неопределенности межличностного и межгруппового контакта с другой культурой. Представлены группы существующих в этой сфере теорий: теории идентичности; теории адаптации; теории, фокусирующиеся на результате взаимодействия; теории, акцентирующие на процессе развития межкультурной компетентности; интегральные теории. Рассмотрены ограничения, существующие в этой области знания, связанные в том числе с игнорированием конкретных принципов психологического изучения личности и группы.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, неопределенность межкультурного взаимодействия, теории межкультурной коммуникации, культурно-исторический подход, межкультурная компетентность

Для характеристики современного мира в англоязычной литературе все чаще используется аббревиатура VUCA («a VUCA world»: V – volatility, U – uncertainty, C – complexity, A – ambiguity) – изменчивость, непредсказуемость, сложность, неопределенность. Все эти параметры наглядно проявляются в ситуациях межкультурного взаимодействия. Культурная гетерогенность современного общества и межкультурная коммуникация, проникающая во все сферы жизни, не только делают ее сложнее и разнообразнее, но и усиливают степень неопределенности. Поликультурное общество ставит перед личностью новые вызовы, порождая множественность выбора способов поведения и реагирования в отсутствии четких критериев эффективности взаимодействия с представителями другой культуры. Социотипическое поведение, реализующее типовые программы собственной культуры и освобождающее личность от принятия решений в стандартных для этой культуры ситуациях [Асмолов, 2001], теряет адекватность в условиях неопределенности ситуации межкультурного взаимодействия, где личность каждый раз вынуждена искать новые ориентиры на пути к взаимопониманию. Необходимость такого выхода за пределы привычного контекста и зоны комфорта может способствовать возникновению негативных последствий как на личностном уровне (тревожность, страх потери идентичности, неуверенность и т.д.), так и на групповом (этноцентризм, экстремизм, ксенофобия, расизм).

В нашем цикле исследований в области психологии межэтнической напряженности в условиях социальной нестабильности мы делали попытку ответить на вызовы неопределенности, сложности и разнообразия поликультурного мира [Солдатова, 1998, 2001]. К каким бы вопросам мы не обращались, изучая межкультурное взаимодействие, – межэтническим конфликтам, ситуации культурного шока, взаимной адаптации мигрантов и принимающего населения, толерантности как нормы поддержки разнообразия, разработке стратегий совладания с межкультурной неопределенностью как культурных практик, – мы шаг за шагом конструируем исследовательскую программу поведения личности в ситуации множественности выбора в поликультурном мире [Солдатова, Шайгерова, и др., 2002; Солдатова и др., 2005; Солдатова и др., 2009; Шайгерова, 2002].

На наш взгляд, это также одна из центральных задач, которую пытаются решить многочисленные теории межкультурной коммуникации. Результаты исследований и практический опыт свидетельствуют, что оптимизация межкультурного взаимодействия в поликультурном мире становится общественно значимой проблемой, требующей междисциплинарного рассмотрения и разработки адекватной методологической основы, на которой будут базироваться эмпирические исследования и практические программы.

Вызовы поликультурного общества

В поликультурном обществе различные институты видят свою задачу в том, чтобы найти пути оптимизации взаимодействия культур как внутри отдельных обществ, так и на их границах (международные переговоры), и снизить возможные риски, к которым приводит неопределенность и сложность межкультурных контактов (проявления экстремизма, ксенофобии, мигрантофобии, расизма и др.). И если на государственном уровне решение проблемы видится в идеологии и провозглашении определенной политики, например, доктрины мультикультурализма в том или ином его воплощении [Солдатова и др., 2011], то задача науки состоит в том, чтобы выявить причины, факторы, условия и переменные, обеспечивающие успех межличностной и межгрупповой коммуникации между разными культурами.

В качестве возможного способа уменьшения неопределенности и непредсказуемости межкультурного взаимодействия все чаще рассматривается развитие межкультурной компетентности, которую называют в числе ключевых компетентностей XXI века [Deardoff, 2012] и которая выступает необходимой составляющей профессиональной квалификации в дипломатии, бизнесе, образовании, медицине, журналистике, психологическом консультировании, психотерапии и других областях социальных и профессиональных практик.

Научный интерес к проблеме межкультурной коммуникации и компетентности проявился вскоре после второй мировой войны, главным образом, в США. Он был во многом обусловлен глобальными переменами, связанными с адаптацией мигрантов, обучением иностранных студентов, привлечением зарубежных специалистов и деятельностью гуманитарных организаций, объединяющих сотрудников из разных стран. Во всех этих обстоятельствах проблемы культурных различий, межкультурной коммуникации и взаимной адаптации оказывались в центре внимания в силу их влияния как на отдельную личность, так и на межгрупповые отношения. Основателем направления изучения межкультурной коммуникации по праву считается Эдвард Т.Холл, в книге которого «Безмолвный язык» впервые был использован термин «межкультурная коммуникация» [Hall, 1959]. Считается, что история межкультурной коммуникации началась в Институте дипломатической службы, основанном в 1947 году Конгрессом США, где Холл и его коллеги обучали американских дипломатов [Leeds-Nurwitz, 1990]. Специфика подхода Холла заключалась в фокусировании, в первую очередь, на *взаимодействии* людей из различных культур, а не на изучении конкретных культур и стран, особенностей их государственного устройства, религиозных верований и т.д., как это было принято ранее. До воплощения идей Холла в практической работе эффективность межкультурной коммуникации мало интересовала дипломатические службы США – американские послы зачастую не владели не только знаниями о других культурах, но даже языком таких стран, как Франция, Италия, Германия, не говоря уже о Японии, Корее, Тайланде и Вьетнаме [Rogers et al., 2002].

Для дальнейшего развития практики межкультурного взаимодействия потребность в обобщающих концепциях в данной области возрастала с каждым днем, и в 1970-х гг. в США начали появляться первые теории межкультурной коммуникации. На сегодняшний день существует не менее двадцати базовых теорий, которые периодически обновляются. Большинство из них в той или иной степени получили свое развитие в рамках парадигмы, заложенной Холлом, и до недавнего времени разрабатывались преимущественно учеными США и других англоязычных стран (Канада, Австралия). Лишь в последние два десятилетия, когда после нескольких лет затишья произошел очередной всплеск интереса к проблематике взаимодействия культур, ситуация стала изменяться, и ученые из разных регионов мира начали активно присоединяться к разработке теории в области межкультурной коммуникации.

В данной статье будут рассмотрены основные западные теории межкультурной коммуникации с

целью анализа методологических проблем, требующих решения в сфере теории и практики оптимизации межкультурного взаимодействия.

Западные теории межкультурной коммуникации

Обилие существующих моделей и концепций межкультурной коммуникации порождает потребность в их упорядочивании и приводит к созданию классификаций [Gudykunst, 2002; Wiseman, 2002]. Опыт таких классификаций и собственный анализ порядка сорока подходов и концепций позволил нам выделить группы теорий, фокусирующихся на 1) идентичности; 2) адаптации; 3) результате взаимодействия; 4) процессе развития межкультурной компетентности и 5) интегральные теории.

Теории идентичности

Во многих западных концепциях межкультурной коммуникации центральная роль отводится идентичности взаимодействующих субъектов. Авторы этих концепций в большинстве своем опираются на предложенное в 1955 году Ирвингом Гофманом понятие *face-work* – создание и поддержание имиджа, или «лица», «фасада», под которым подразумевается ряд средств, направленных на создание положительного впечатления о себе у других людей и корректировку неблагоприятного впечатления [Goffman, 1955].

Широкое распространение получила теория соглашения об идентичности Стеллы Тинг-Туми, в которой межкультурная коммуникация определяется как процесс достижения «договоренности» об идентичности между вступающими во взаимодействие субъектами, а под компетентной коммуникацией понимается «оптимальное использование надлежащим и эффективным образом знаний, понимания и коммуникативных навыков в ходе управления спорными ситуациями, в центре которых находится идентичность» [Ting-Toomey, 2005, p. 73]. Феномен «лица» считается универсальным, но его содержание варьирует от культуры к культуре: таким аспектам идентичности, как социальный статус, независимость, принадлежность к группе, компетентность, надежность придается различное значение. В каждой культуре как на личностном, так и на групповом уровнях идентичности существуют пять базовых потребностей: в защищенности, принадлежности, предсказуемости, зависимости и устойчивости, которые вместе с их противоположностями (уязвимостью, дифференциацией, непредсказуемостью, автономией, изменчивостью) образуют дихотомии идентичности. Дихотомия «защищенность–уязвимость» считается первичной для человеческого существования: если защищенность способствует открытости к взаимодействию с представителями других культур, то уязвимость вызывает тревожность, беспокойство и «истощение» Я. Способность управлять дихотомиями идентичности дает человеку возможность максимально использовать доступные ему коммуникативные ресурсы [Ting-Toomey, 2005] и справляться с множественностью выбора.

В теории управления идентичностью Уильяма Капача и Тода Имахори идентичность рассматривается как предопределенный конкретным обществом образ жизни, на основе которого индивид приобретает опыт, влияющий на поведение и мотивирующий его поступки [Imahori, Cupach, 2005]. Как и Тинг-Туми, авторы делают акцент на необходимости изменений идентичности в процессе межкультурного взаимодействия, полагая, что большинство людей мало знакомы с другими культурами и в межкультурном общении устанавливают фасад, опираясь на стереотипы. Умение корректировать фасад является важным аспектом межкультурной компетентности.

В теории культурной идентичности Мэри Джейн Колиер отстаивается идея о развитии общекультурной теории коммуникативной компетентности, которая представлена как взаимный путь постижения и признания вступающими во взаимодействие индивидами культурных идентичностей друг друга. Утверждается, что межкультурная компетентность индивида тем выше, чем больше соответствие между культурной идентичностью, приписываемой им другому человеку, и идентичностью, признаваемой этим человеком [Collier, 2005].

Хотя все три теории центральное место в успехе межкультурной коммуникации отводят идентичности как важному фактору, определяющему выбор поведения в межкультурном взаимодействии, в первых двух акцент ставится на необходимости взаимных изменений в

идентичности вступающих в коммуникацию индивидов, а в теории Колиер речь идет скорее о взаимной сензитивности партнеров по общению к идентичности друг друга.

Теории адаптации

В связи с тем, что проблема межкультурного взаимодействия наиболее остро встает в ситуации миграции, целый ряд теорий межкультурной коммуникации закономерно сфокусирован на адаптации мигрантов. Интегративная теория коммуникации и кросс-культурной адаптации Йонг Ким основана на результатах исследований корейских иммигрантов в США, американцев японского и мексиканского происхождения и беженцев из Индокитая. Главная роль в теории отводится особенностям личности – от них зависит «межкультурное преобразование» человека, его адаптация, психическое здоровье и обретение мультикультурной идентичности [Kim, 2005].

Утверждается, что в основе успешной адаптации лежит способность индивида общаться в соответствии с нормами и особенностями принимающей культуры, а сама адаптация к иной культуре рассматривается как процесс развития присущего человеку стремления к внутреннему равновесию в столкновении с окружающими условиями, часто враждебными. В результате аккультурации и декультурации (отвыкания от своей культуры) повышается уровень коммуникативной компетентности. Ким предлагает пять базовых измерений, определяющих процесс вхождения мигранта в новую культуру: 1) коммуникативная компетентность в принимающей культуре; 2) коммуникация с представителями принимающей культуры; 3) взаимодействие с членами собственной диаспоры; 4) мультикультурное окружение; 5) личностные установки. В более поздних работах Ким пытается преодолеть свойственное ей ранее гомеостатическое понимание аккультурации, обращая внимание на тот факт, что в процессе кросс-культурной адаптации человек вступает на путь личностного развития, выходя за пределы привычного ему мира и достигая более глубокого и широкого понимания условий человеческого существования [Kim, 2013].

В теории культурного научения Колин Ворд ключевым индикатором социокультурной адаптации признается межкультурная компетентность – способность успешно справляться с повседневной деятельностью в новом культурном окружении и «вписываться» в него [Wilson et al., 2013]. Авторы проводят различие между социокультурной адаптацией (поведенческая сфера) и психологической адаптацией (эмоциональная сфера и общее психологическое благополучие в процессе перехода из одной культуры в другую). В качестве основных изучаемых переменных здесь выступают ситуативные параметры, связанные с процессами обучения, а именно, практика и опыт – длительность проживания за границей, предшествующее межкультурное взаимодействие и прохождение кросс-культурного тренинга. В соответствии с теорией на эффективность межкультурного взаимодействия и успешность адаптации влияют также культурная дистанция, уровень владения языком и коммуникативными навыками.

Согласно теории коммуникации Майкла МакГуайра и Стивена МакДермота иммигранты ассимилируются в инокультурное общество при положительном подкреплении в виде позитивного отношения принимающей культуры [McGuire, McDermott, 1988]. Если иммигранты не избегают общения с представителями принимающей культуры, последние реагируют «ассимилирующей» коммуникацией. При игнорировании иммигрантами норм принимающей культуры ее представители реагируют «пренебрегающей» коммуникацией. В свою очередь, иммигранты отвечают на пренебрегающую коммуникацию отчуждением, социальной изоляцией, отказом говорить на языке принимающей стороны.

Теории, фокусирующиеся на результате межкультурной коммуникации

Согласно теории культурной конвергенции Лоренса Кинкейда, базирующейся на общей конвергентной модели межличностной коммуникации, полное понимание при межкультурном взаимодействии недостижимо, но к нему можно приблизиться при помощи многократно повторяющегося общения [Kincaid, 1988]. Утверждается, что относительно закрытая социальная система, где нет препятствий для коммуникации между членами, со временем стремится к конвергенции в направлении большего культурного единообразия, а ограничение коммуникации ведет к дивергенции системы. Таким образом, успех межкультурной коммуникации определяется

единственным фактором – интенсивностью (частотой и длительностью) контактов между представителями разных культур.

В теории контроля тревожности и неуверенности Уильяма Гудиканста центральной переменной выступает способность человека справляться с тревожностью (эмоциональное состояние) и неуверенностью (когнитивное состояние) [Gudykunst, 2005]. Предполагается, что, настраиваясь на трудности общения в чужой культуре, человек испытывает тревожность и неуверенность, в результате чего эмоционально он переживает напряжение, беспокойство, смущение или опасение, а на когнитивном уровне сомневается в правильности своих знаний об установках, чувствах, убеждениях и ценностях принимающей культуры. Межкультурное общение наиболее эффективно при оптимальном уровне тревожности и неуверенности, так как высокий уровень тревожности и неуверенности приводит к интерпретированию поведения на основе ценностей собственной культуры, а низкий – к тому, что человек не задумывается о точности своих представлений о принимающей культуре. Помимо тревожности и неуверенности, как «глубинных» причин эффективности коммуникации, Гудиканст выделяет шесть категорий «поверхностных» причин: Я-концепция, мотивация на взаимодействие с представителями другой культуры, реакция на них, социальная категоризация, особенности ситуации и взаимоотношения с представителями другой культуры [Gudykunst, Nishida, 2001].

Теории, фокусирующиеся на процессе развития межкультурной компетентности

Базовый тезис модели развития межкультурной сензитивности Милтона Беннета заключается в том, что по мере того, как опыт человека в понимании культурных различий становится более комплексным и богатым, его компетентность в межкультурных отношениях возрастает [Bennett, 1993]. Предполагается, что в основе правильного толкования культурных различий лежит более широкий взгляд на свою и другие культуры. Беннет выделил шесть стадий–ориентаций развития межкультурной компетентности, сопровождающихся изменениями в мировоззрении. Первые три стадии – отрицание, защита, минимизация – определяются как этноцентристские и предполагают восприятие собственной культуры как центральной и оценивание других культур сквозь призму собственной. Три следующие стадии – принятие, адаптация и интеграция – как этнорелятивистские – и предполагают рассмотрение собственной культуры в контексте других. Последняя стадия, интеграция, предполагает выход человека за пределы самого себя посредством проникновения в глубину различных культурных мировоззрений. В случае формирования идентичности на стыке двух или более культур индивид сталкивается с собственной «культурной маргинальностью», которая может проявляться либо в форме отчуждения от собственной культуры, либо в конструктивной форме, когда постижение других культур выступает необходимой и позитивной частью идентичности.

Основными компонентами процессуальной модели межкультурной компетентности Кристофера Хайека и Ховарда Джайлза выступают типы коммуникаторов, культурная ориентация и когнитивная готовность [Hajek, Giles, 2003]. Эти компоненты влияют на осознаваемые и неосознаваемые процессы образования и саморазвития индивида, готовность к овладению новым языком и к принятию культурных различий. Совместное действие всех переменных отражается как на психологическом состоянии индивида, так и на процессе коммуникации. Результатом межкультурной компетентности становится, например, умение справляться с психологическим стрессом, установление отношений с представителями принимающей культуры, отказ от обычаев собственной культуры, не вписывающихся в новую. Компетентное поведение также включает владение языком, способность к правильной трактовке невербальных сигналов, эмпатию и гибкое отношение к действительности.

Интегральная теория

Согласно интегральной модели межкультурной компетентности Брайана Шпицберга, межкультурная компетентность предполагает учет двух критериев: во-первых, соответствия поведения человека конкретной ситуации и социальному контексту в целом и, во-вторых, эффективности – достижения в процессе коммуникации желаемых результатов [Spitzberg, 2012]. Модель включает три иерархически организованные системы, или уровни: 1) индивидуальная система; 2) эпизодическая система; 3) система отношений. Индивидуальная система включена в эпизодическую, которая, в свою очередь, включена в систему отношений. Уровень межкультурной компетентности в каждой из трех систем

определяется мотивацией, знаниями и навыками. Так, на индивидуальном уровне мотивация связана с уверенностью в себе, с верой человека в то, что его поведение приводит к желаемому результату, с наличием готовности к сближению с другими и с относительной ценностью для него ситуации взаимодействия. Знания относятся к тому, как взаимодействовать в межкультурном контексте, овладевать стратегиями приобретения информации о новой культуре, связаны с разнообразием ролей, идентичностью и с личностными характеристиками, необходимыми для их приобретения. На межкультурную компетентность влияет общий навык, связанный с умением менять свое поведение в ответ на поведение партнера по общению, и 4 специфических: умение ориентирование на «другого», умение направлять процесс коммуникации, уравновешенность и экспрессивность.

В конкретном эпизоде взаимодействия результат определяется не только индивидуальными характеристиками человека, но и тем, как воспринимает его другая сторона. Это восприятие зависит от коммуникативного статуса индивида, его мотивации, знаний и навыков, соответствия поведения позитивным ожиданиям партнера и т.д. В рамках системы отношений подключаются такие факторы как взаимная автономия и привлекательность, потребность в тесных отношениях и доверие. [Spitzberg, 2009]. Пытаясь учесть все возможные факторы и разнообразные ситуации межкультурного взаимодействия, Шпицберг признает, что его теория не свободна от противоречий. С одной стороны, утверждается, что чем более развиты мотивация, знания и навыки, тем выше межкультурная компетентность личности. С другой стороны, на коммуникации может негативно сказаться тот факт, что «кто-то может быть *слишком* мотивирован ... или *слишком* спокоен», и, таким образом, рост мотивации, знаний и навыков после достижения определенного порога приводит к обратному результату [Spitzberg, 2009, p. 390].

Ограничения западных теорий межкультурной коммуникации

Обзор западных теорий межкультурной коммуникации свидетельствует о том, что за последние десятилетия изучено немало разнообразных явлений, процессов и факторов, влияющих на межкультурное взаимодействие. Учеными предложен солидный ряд объяснительных теорий множественности выбора в ситуации межкультурного взаимодействия, практически постулированного как необходимое условие существования поликультурного общества. Под влиянием господствующего в современной гуманитарной науке плюралистического подхода множество частных теорий сосуществуют и продолжают развиваться. Заложивший это направление Эдвард Холл также способствовал такому плюрализму взглядов, не обеспечив его прочной теоретико-методологической основой. Каждая теория вносит определенный вклад в понимание процесса и результатов межкультурных коммуникаций, но основная цель по-прежнему не достигнута: не существует единого мнения о том, что в конечном счете определяет их эффективность и возможность успешного выхода из ситуации высокой межкультурной неопределенности. Теоретические построения опираются на результаты эмпирических исследований, зачастую либо противоречащих друг другу, либо по-разному проинтерпретированных. Создатели некоторых моделей и сами признают необходимость построения ясной единой теоретической структуры, но для этого требуется осуществить переход на иной уровень анализа и переосмыслить принципы, приоритеты и цели.

Для того, чтобы попытаться раскрыть сложные механизмы коммуникации человека и группы в межкультурном контексте, важно опираться на системный междисциплинарный подход, одним из оснований которого должно стать психологическое знание. Поле изучения межкультурной коммуникации сформировалось и продолжило свое развитие, главным образом, на стыке культурной антропологии и лингвистики. За исключением применения ряда положений психоанализа, бихевиоризма и обращения к отдельным идеям психотерапии и психиатрии, возникшим, в частности, в рамках калифорнийской научной школы Пало Альто и принадлежавшим таким ее представителям, как Грегори Бейтсон (Gregory Bateson) и Поль Вацлавик (Paul Watzlawick), закономерности, выявленные в психологии личности, общей и социальной психологии, долгое время оставались практически без внимания при рассмотрении межкультурной коммуникации.

Отметим, что в сфере изучения межкультурной коммуникации обращение к результатам психологических исследований стало более заметным лишь в 1980–90 г.г., но целостный подход, который опирался бы на методологию психологии и конкретные принципы психологического изучения человека, до сих пор отсутствует. Безусловно, западные теории межкультурной

коммуникации не обходятся без использования психологических понятий и категорий – это было бы невозможно, так как данная сфера тесно связана с изучением межличностного и межгруппового взаимодействия. Однако такое обращение к методологии психологии трудно считать удовлетворительным, так как наполнение психологических понятий и конструкторов и объяснение психологических механизмов существенно варьирует в зависимости от авторской позиции. Кроме того, межкультурное взаимодействие рассматривается авторами моделей на основе принципов классической науки, с точки зрения которой «поведение осуществляется помимо существенного соучастия субъекта» [Узнадзе, 1966, с. 328], а психические процессы являются самодостаточными. Классическая психология, которая рассматривает человека как пассивное существо, а психику как застывшую, неразвивающуюся систему, оказывается неспособной адекватно поставить и решить проблемы психического отражения и целесообразной деятельности [Узнадзе, 1966]. Тот факт, что личность продолжает формироваться и развиваться в процессе коммуникации, в диалоге с другим, а не является совокупностью раз и навсегда заданных, имеющих врожденную природу качеств, независимых от среды, ситуации и взаимодействия с другим, редко учитывается.

Принятие постулата непосредственности приводит к тому, что активность субъекта выпадает из поля зрения, межличностные различия объясняются вмешательством различных субъективных факторов, а человек рассматривается как изолированное от мира существо [Асмолов, 2001]. С другой стороны, сама психология долгое время оставалась довольно безразличной к проблеме межкультурного взаимодействия. Она так и не смогла стать глобальной наукой, которая обеспечила бы общечеловеческое понимание поведения и соответствующую психологическую практику, и остается «культурно слепой», игнорируя влияние культуры на формирование личности и поведение человека [Berry, 2013].

Необходимо отметить, что психологи достаточно давно начали интересоваться влиянием культуры на психику – вопросы этнопсихологии изучались еще в начале XX века [Вундт, 2010; Шпет, 2010]. Однако позже культура была надолго выведена за пределы решаемых психологией вопросов. Интерес к влиянию культуры на человеческую природу вновь проявился в рамках психологической антропологии (особенно в направлении «культура–и–личность»), кросс-культурной психологии и более определенно в культурной психологии, заявившей о себе около двух десятилетий назад и пока еще не обладающей четкой организационной и методологической структурой, но пытающейся поставить культуру в центр внимания психологической науки [Cole, 1996; Shweder, 1991; Wertsch, 1991]. Вклад этих направлений в изучение взаимосвязи культуры и психики трудно переоценить, но в том, что касается проблемы межкультурного взаимодействия, они характеризуются целым рядом ограничений.

Во-первых, в рамках их исследований гораздо больше внимания уделяется изучению психики конкретных народов (главным образом, первобытных племен) и рас, а также кросскультурным сравнениям психики и поведения, чем проблеме взаимодействия культур.

Во-вторых, долгое время центральной проблемой этих направлений считался поиск новых методов эмпирических исследований и проведение собственно эмпирических исследований, а не разработка общей теории и методологии. В результате сегодня в качестве главной проблемы в этой области выступает отсутствие прогресса в методологии. Например, необходимость разработки методологических основ культурной психологии осознается зарубежными авторами, и в настоящее время активно ведутся ее поиски [Valsiner, 2014]. Известный специалист в области кросс-культурной психологии Дэвид Мацумото также призывает «меньше думать о получении все новых данных, подтверждающих культурные различия, и больше о путях коллективной интеграции их в согласованную, исчерпывающую теорию...» [Мацумото, 2003, с. 402].

В-третьих, на всех уровнях подхода к проблеме межкультурного взаимодействия в западной науке: в теории, исследованиях и практическом применении – преобладают этноцентристские установки, выражающиеся в том, что на одном полюсе неизбежно рассматриваются индивид или группа, относящиеся к «другой культуре» (не имеет значения, к какой именно), в процессе приспособления, аккультурации и адаптации к находящемуся на противоположном полюсе англо-американскому окружению. В соответствии с такими установками исследователи заведомо исходят из социокультурного контекста, навыков, знаний, личностных качеств, значимых в западноевропейском и североамериканском обществах: индивидуализм, мотивация достижения, и т.д. В результате,

научные взгляды отражают ценности, установки и мнения, свойственные членам отдельно взятого общества, и не могут претендовать на универсальность и безусловную применимость в другом культурном контексте.

Если говорить о российских исследованиях, то здесь, в силу различных обстоятельств, еще несколько десятилетий назад проблема межкультурной коммуникации изучалась, главным образом в лингвистике, и только вследствие значительных социокультурных изменений, потрясших в 1980–90 г.г. Россию и все постсоветское пространство, межкультурные отношения постепенно начали становиться предметом психологического исследования. И хотя психология межкультурной коммуникации как научное направление находится на этапе становления, проведенные исследования свидетельствуют от том, что опора на достижения отечественной психологии и гуманитарного знания в целом может предоставить широкие возможности для разработки методологической основы этого направления. Излишне говорить о том, что отдельные положения отечественной психологии и других гуманитарных наук уже давно известны зарубежным ученым и активно ими используются. В последнее время, например, на Западе наблюдается очередной всплеск интереса к идеям Выготского, к новым переводам его работ на разные языки, создание лабораторий и центров Выготского и целых направлений, опирающихся на культурно-исторический подход в различных областях психологии и гуманитарного знания в целом [Chaiguerova, Zinchenko, 2012; Cole, 1996; Esteban-Guitart, Moll, 2014; Valsiner, van der Veer, 2014; Yasnitsky et al., 2014]. Помимо культурно-исторической теории Выготского, существенный вклад в развитие психологии межкультурного взаимодействия могут внести положения теории установки Д.М.Узнадзе, теории деятельности А.Н.Леонтьева, историко-эволюционного подхода А.Г.Асмолова, концепции диалога М.М.Бахтина и целый ряд других достижений советских и российских ученых.

Заключение

Анализ теоретических воззрений в области межкультурной коммуникации показывает, что, несмотря на неослабевающий в течение нескольких десятилетий научный интерес к данной проблематике и предпринимаемые западными учеными многочисленные попытки концептуализировать поведение личности в ситуации неопределенности и низкой предсказуемости межкультурной коммуникации, до сих пор не существует ясного понимания того, какие психологические процессы и механизмы лежат в основе эффективного межкультурного взаимодействия. Однако нельзя недооценивать результаты западных, особенно североамериканских, исследований в этой области. Оценка их достижений и ограничений с позиций методологии отечественной психологии представляется не только важным, но и необходимым шагом на пути создания общей теории межкультурной коммуникации, не ограниченной ее отдельными сферами и центристскими позициями и способной не только объяснить поведение личности в условиях высокой неопределенности и множественности выбора в поликультурном обществе, но и дать надежную основу для развития исследований и эффективной практики межкультурного взаимодействия.

Финансирование

Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект 15-18-00109.

Литература

Асмолов А.Г. Психология личности. М.: Смысл, 2001.

Вундт В. [Wundt W.] Проблемы психологии народов. М.: Академический проект, 2010.

Мацумото Д. [Matsumoto D.] Психология и культура. СПб.: Питер, 2003.

Солдатова Г.У., Лекторский В.А., Петренко В.Ф., Нестик Т.А., Хомяков М.Б., Шайгерова Л.А. Методология социального конструирования толерантности и управления рисками ксенофобии в многополярном мире. В кн.: Ю. Зинченко, А. Логинова (Ред.), Толерантность как фактор противодействия ксенофобии: управление рисками ксенофобии в обществе риска. М.: Наука, 2011.

С. 15–124.

Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности. М.: Смысл, 1998.

Солдатова Г.У. Психология межэтнической напряженности в ситуации социальной нестабильности: дис. ... д-ра психол.наук. Моск. гос. университет, Москва, 2001.

Солдатова Г.У., Макарчук А.В., Шайгерова Л.А., Лютая Т.А. Искусство жить с непохожими людьми: Психотехники толерантности. М.: Издательский дом Московия, 2009.

Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А., Калининко В.К., Кравцова О.А. Психологическая помощь мигрантам: Травма, смена культуры, кризис идентичности. М: Смысл, 2002.

Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А., Макарчук А.В. Тренинг повышения межкультурной компетентности. М: Моск. гос. унив., 2005.

Узнадзе Д.Н. Психологические исследования. М.: Наука, 1966.

Шайгерова Л.А. Психология идентичности личности в ситуации вынужденной миграции: дис. ... канд. психол. наук. Московский гос. университет, Москва, 2002.

Шпет Г. Введение в этническую психологию. М: ЛКИ, 2010.

Bennett M.J. Towards ethnorelativism: A developmental model of intercultural sensitivity. In: R.M. Paige (Ed.), Education for the intercultural experience. Yarmouth, ME: Intercultural Press, 1993. pp. 21–71.

Berry J.W. Global Psychology. South African Journal of Psychology, 2013, 43(4), 391–401.
doi:10.1177/0081246313504517

Chaiguerova L., Zinchenko Y. L'héritage vygotkien dans la psychologie du développement en Union soviétique. In: F.Yvon, Y.Zinchenko (Eds.), Vygotsky, une théorie du développement et de l'éducation. Moscow: MSU, 2012. pp. 319–334.

Cole M. Cultural psychology: A once and future discipline. Cambridge: Harvard University Press, 1996.

Collier M.J. Theorizing cultural identifications: Critical updates and continuing evolution. In: W.B. Gudykunst (Ed.), Theorizing about intercultural communication. Thousand Oaks, CA: Sage, 2005. pp. 235–256.

Deardoff D.K. Intercultural competence in the 21st century: Perspectives, issues, application. In: Creating Cultural Synergies. Cambridge: Cambridge Scholars, 2012. pp. 7–23.

Esteban-Guitart M., Moll L.C. Funds of identity. A new concept based on funds of knowledge approach. Culture and Psychology, 2014, 20(1), 31–48. doi:10.1177/1354067X13515934

Goffman E. On face-work: An analysis of ritual elements of social interaction. Psychiatry: Journal for the Study of Interpersonal Processes, 1955, 18(3), 213–231.

Gudykunst W.B. Intercultural communication theories. In: W.B. Gudykunst, B. Mody (Eds.), Handbook of international and intercultural communication. 2nd ed. Thousand Oaks, CA: Sage, 2002. pp. 183–206.

Gudykunst W.B. An anxiety / uncertainty management (AUM) theory of strangers' intercultural adjustment. In: W.B. Gudykunst (Ed.), Theorizing about intercultural communication. Thousand Oaks, CA: Sage, 2005. pp. 419–57.

Gudykunst W.B., Nishida T. Anxiety, uncertainty, and perceived effectiveness of communication across relationships and cultures. International Journal of Intercultural Relations, 2001, 25(1), 55–71.

Hall E.T. *The silent language*. New York: Doubleday, 1959.

Hajek C., Giles, H. New directions in intercultural communication competence. In: J.O. Greene, B.R. Burleson (Eds.), *Handbook of communication and social interaction skills*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates Publishers. 2003, pp. 935–957.

Imahori T.T., Cupach W.R. Identity management theory. In: W.B. Gudykunst (Ed.), *Theorizing about intercultural communication*. Thousand Oaks, CA: Sage, 2005. pp. 195–210.

Kim Y. Adapting to a new culture: An integrative communication theory. In: W.B. Gudykunst (Ed.), *Theorizing about intercultural communication*. Thousand Oaks, CA: Sage, 2005. pp. 375–400.

Kim Y. The identity factor in intercultural conflict. In: J. Oetzel, S. Ting-Toomey (Eds.), *The handbook of conflict communication: Integrating theory, research, and practice*. 2nd ed. Thousand Oaks, CA: Sage, 2013. pp. 639–660.

Kincaid D.L. The convergence theory of communication: Its implications for intercultural communication. In: Y.Y. Kim (Ed.), *Theoretical Perspectives on International Communication*. Beverly Hills: Sage, 1988. pp. 280–298.

Leeds-Hurwitz W.L. Notes in the history of intercultural communication: The foreign service institute and the mandate for intercultural training. *Quarterly Journal of Speech*, 1990, 76(3), 262–281.

McGuire M., McDermott S. Communication in Assimilation, Deviance and Alienation States. In: W.B. Gudykunst, Y.Y. Kim (Eds.), *Cross-Cultural Adaptation – Current Approaches*. Newbury Park: Sage Publications, 1988. pp. 90–105.

Rogers E.M., Hart W.B., Miike Yo., Edward T. Hall and the history of intercultural communication: The United States and Japan. *Keio Communication Review*, 2002, 24, 3–26.

Shweder R.A. *Thinking Through Cultures: Expeditions in cultural psychology*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1991.

Spitzberg B.H. A model of intercultural communication competence. In: L. Samovar, R. Porter, E.R. McDaniel (Eds.), *Intercultural communication: A Reader*. 12nd ed. Boston, MA: Wadsworth, 2009. pp. 381–392.

Spitzberg B.H. Axioms for a theory of intercultural communication competence In: L. Samovar, R. Porter, E.R. McDaniel (Eds.), *Intercultural communication: A Reader*. 13th ed. Boston, MA: Wadsworth, 2012. pp. 424–434.

Ting-Toomey S. The matrix of face: An updated face-negotiation theory. In: W.B. Gudykunst (Ed.), *Theorizing about intercultural communication*. Thousand Oaks, CA: Sage, 2005. pp. 71–92.

Valsiner J. *An Invitation to Cultural Psychology*. London: Sage Publications Ltd., 2014.

Valsiner J., van der Veer R. Encountering the border: Vygotsky's zona blizaishego razvitia and its implication for theories of development. In: A. Yasnitsky, R. van der Veer, M. Ferrari (Eds.), *Handbook of cultural-historical psychology*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. pp. 148–174.

Wertsch J.V. *Voices of the mind: A sociocultural approach to mediated action*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1991.

Wilson J., Ward C., Fischer R. Beyond culture learning theory: What can personality tell us about cultural competence? *Journal of Cross-Cultural Psychology*, 2013, 44(6), 900–927. doi:10.1177/0022022113492889

Wiseman R.L. Intercultural communication competence. In: W.B. Gudykunst, B. Mody (Eds.), *Handbook of international and intercultural communication*. Thousand Oaks, CA: Sage, 2002. pp. 207–224.

Yasnitsky A., van der Veer R., Ferrari M. (Eds.). Handbook of cultural-historical psychology. Cambridge: Cambridge University Press, 2014.

Поступила в редакцию 5 октября 2014 г. Дата публикации: 28 апреля 2015 г.

[Сведения об авторах](#)

Солдатова Галина Уртанбековна. Доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии образования, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, ул. Моховая, д. 11, стр. 9, 125009 Москва, Россия.
E-mail: soldatova.galina@gmail.com

Шайгерова Людмила Анатольевна. Кандидат психологических наук, доцент, кафедра методологии психологии, факультет психологии, Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, ул. Моховая, д. 11, стр. 9, 125009 Москва, Россия.
E-mail: ludmila_chaiguerova@hotmail.com

[Ссылка для цитирования](#)

Стиль psystudy.ru

Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А. Рефлексия множественности выбора в психологии межкультурных коммуникаций. Психологические исследования, 2015, 8(40), 10. <http://psystudy.ru>

Стиль ГОСТ

Солдатова Г.У., Шайгерова Л.А. Рефлексия множественности выбора в психологии межкультурных коммуникаций // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 40. С. 10. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: чч.мм.гггг).

[Описание соответствует ГОСТ Р 7.0.5-2008 "Библиографическая ссылка". Дата обращения в формате "число-месяц-год = чч.мм.гггг" – дата, когда читатель обращался к документу и он был доступен.]

Адрес статьи: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n40/1118-soldatova40.html>

[К началу страницы >>](#)